

ЗАГАЛЬНІ ПИТАННЯ ЗАПОВІДНОЇ СПРАВИ

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА И ЗАПОВЕДНОЕ ДЕЛО

В.Н. Грищенко

Каневский природный заповедник

Все набирающий силу экологический кризис требует пересмотра нашего отношения к природе. Ведь даже в природоохранной деятельности до настоящего времени господствует сугубо антропоцентристский подход, суть которого передает хорошо известный нам по недавнему прошлому лозунг: “Все для блага человека, все во имя человека”. Природа существует для человека, представляя собой “кладовую” всевозможных ресурсов, в лучшем случае предназначена для удовлетворения его духовных потребностей. Одни видят корни такого мировоззрения в материалистическом воспитании, другие — в антропоцентризме христианской религии (Уайт, 1990), третьи (я в том числе, см. Грищенко, 2000) — в природе самого человека, который, несмотря на весь социальный прогресс, остается одним из биологических видов с их стремлением к неудержимой экспансии. Можно долго спорить о причинах, но в данном случае для нас более важно другое — поиск путей выхода.

Я далек от иллюзий, что в обозримом будущем человек согласится “слезть с трона” всевластия над природой и не верю, что скоростный разворот природоохранной идеологии на 180 градусов, как за то ратуют некоторые радикальные экофилософы, принесет успех, однако хоть какие-то шаги в этом направлении делать нужно. Дорогу осилит идущий. Для начала в упомянутый выше лозунг можно вставить две частицы “не”: “**Не все** для блага человека, **не все** во имя человека”. Другими словами, мы должны признать, что не одни на планете, и другие существа также имеют право на жизнь, без какой-либо связи с нашими утилитарными интересами. Ничего нового в такой постановке вопроса нет. Об этом писали, например, хорошо известные у нас писатели-природоохранники — Б. Гржимек, Д. Даррелл, Я. Линдبلاد и др. В первом пункте платформы глубинной экологии говорится, что ценности других форм жизни не зависят от их пользы для людей (Наэсс, Сессинс, 2000). Если копнуть глубже, можно вспомнить и Святого Франциска Ассизского, который еще в XIII в. пытался низвергнуть человека с его трона монархического господства над природой и установить равенство в отношениях всех живых существ (Уайт, 1990; Борейко, Поминова, 2000; Нэш, 2001). Кстати, именно его Папа Иоанн Павел II в 1979 г. провозгласил покровителем тех, кто охраняет природу.

Повторю основную мысль: человек должен “подвинуться” и дать место на планете и другим формам жизни. Таким местом в первую очередь как раз и могут стать заповедники и другие охраняемые природные территории.

Основные понятия

Для начала разберемся в основных терминах и понятиях, чтобы не спотыкаться о них. В последнее время слова “биоэтика”, “биоцентризм”, “экоэтика” все чаще мелькают на страницах печати. Однако не только журналисты, но и ученые нередко употребляют их не к месту, внося несуществующую путаницу. Различный смысл в них вкладывают и философы.

Биологическая этика (биоэтика) — это этика отношений человека с живыми существами. Экологическая этика (экоэтика) — этика отношений с природными сообществами. В буклете Международного союза экоэтики говорится: “*Предмет экоэтики — не отдельный вид, а сообщества различных, сосуществующих форм жизни*”. (Об этом союзе см. Поликарпов, 2001.) Принципиальное различие между ними в том, что биоэтика оперирует особями, а экоэтика — сообществами. Понятно, что эти два направления этики перекрываются, поскольку сообщества состоят из живых существ, но они не тождественны. Классическая сфера применения биоэтики — защита животных от жестокого обращения. Понятно также, что неизбежен конфликт интересов особи и сообщества, приходится отвечать на вопрос: что важнее. В зависимости от ответа на него выстраивается иерархия ценностей. Если за наибольшую ценность принимается жизнь особи — это биоцентризм, сообщество — экоцентризм. С. Келлерт (1996) называет эти два направления этики биоцентрическим индивидуализмом и экоцентрическим холизмом.

Нетрудно заметить, что такой индивидуализм является довольно шаткой основой для охраны природы. По большому счету, именно из него проистекают очень многие наши беды. Биоцентризм характерен для западной философии индивидуализма, которая высшей ценностью провозглашает человека в противовес государству и обществу. В экоцентризме же пирамида ценностей повернута в противоположную сторону. Для него

наибольшей ценностью является сообщество наивысшего уровня — биосфера, ценность особи оказывается наименьшей. Таким образом, шкалы ценностей экоцентризма и самой природы совпадают. Природа оперирует популяциями, видами, сообществами. Особь для нее — вообще ничто. Как бы мы ни гордились собственным “я”, с этим нельзя не считаться.

Биоцентризм более важен для самого человека, чем для природы. Он дает ему возможность чувствовать себя высокоморальным существом, надеяться на спасение души и т. п. Вы можете старательно вылавливать тонущих в лужах насекомых, убирать с дороги червей, как это делал А. Швейцер (Нэш, 2001), или прометать перед собой путь и процеживать воду перед питьем, как это делают последователи джайнизма. Можно даже подкармливать своей кровью комаров в лесу. Однако к реальной охране природы все это имеет весьма отдаленное отношение. Для популяции тех же комаров намного более важно не то, что десяток особей напьется вашей крови, а то, что вы предотвратите гибель водоема, в котором эта популяция размножается. Если водоем будет осушен или отравлен, погибнет все сообщество, и самая жертвенная помощь отдельным особям природе в целом ничего не даст.

Экоцентризм базируется на этике земли Олдо Леопольда. Он так формулирует ее “золотое правило”: *“...хороша любая мера способствующая сохранению целостности, стабильности и красоты биотического сообщества. Все же, что этому препятствует, дурно”* (Леопольд, 1983). С поправкой Б. Кэлликотта (1999) на динамичность природы это звучит следующим образом: *“Вещь является правильной, когда она имеет тенденцию потрясти природную систему только в нормальных пространственных и временных масштабах. Она является неправильной, когда она имеет противоположную тенденцию”*.

Из приведенных выше трактовок я и буду исходить в дальнейших рассуждениях.

Для человека или от человека?

В научно-популярных публикациях о заповедниках, выступлениях по телевидению и радио, авторы их не устают заверять широкую общественность в том, что природа в заповедниках охраняется не **от** человека, а **для** человека. Далее следует перечень того, почему заповедники нужны человеку — сохранение генофонда, биоразнообразия, природных ресурсов, научные исследования и т. п. С моей точки зрения, такой подход в значительной степени устарел. Я считаю, что классические задачи заповедания должны быть дополнены еще одной. Заповедник — это место, отведенное для дикой природы, где она может существовать по своим законам.

Если угодно, заповедники и заповедные участ-

ки других охраняемых природных территорий — это резервации для дикой природы. Термин “резервация”, благодаря усилиям советской пропаганды, имеет у нас негативный оттенок, в значительной степени заслуженный, однако аналогия тут полная. Резервации в Северной Америке тоже ведь создавались для того, чтобы сохранить остатки индейских племен. Здесь они могут жить по своим законам и традициям. И территории под резервации выделялись не потому, что индейцы нужны были белым переселенцам или их кто-то надеялся использовать в будущем в качестве “ресурса”. Полное истребление “краснокожих” решило бы все проблемы. От многих племен и так остались одни названия на картах (Манхэттен, например). Выделение территорий под резервации было важно с моральной точки зрения. Отняв земли и уничтожив большую часть индейцев, “бледнолицые братья” милостиво согласились оставить им хоть что-нибудь. То же самое человек сделал и с дикой природой. Во многих местах от нее остались жалкие клочки. И сохранить их надо не только потому, что это нужно человеку.

Аналогию заповедников с резервациями можно найти и в другом. Как известно, резервации часто создавались на наиболее ненужных и бесплодных землях. Но ведь и под заповедники очень часто выделяют территории по принципу “на тобі небоже, що мені не гоже”. Попробуйте выдрать у лесохозяйственников высокобонитетный участок леса в густонаселенной местности. Нередко индейцев выгоняли и из резерваций — когда находили полезные ископаемые, нужно было построить дорогу и т. п. А с заповедниками происходит не то же самое? Совсем свежий пример: Министерство транспорта Украины всеми силами проталкивает проект постройки судоходного канала через территорию Дунайского биосферного заповедника. Но при всем при этом, резервации оказываются выше в моральном отношении, они по крайней мере создавались не с чисто утилитарными целями.

В своей речи, произнесенной 11 мая 1947 г. на открытии памятника странствующему голубю, установленному Висконсинским орнитологическим обществом в одном из парков, Олдо Леопольд сказал: *“Один вид, оплакивающий другой, — это нечто новое под солнцем. Кроманьонец, убивший последнего мамонта, думал только о сытном обеде. Охотник, подстреливший последнего голубя, думал только о своей меткости. Матрос, обрушивший дубину на последнюю бескрылую гагарку, вообще ни о чем не думал. Но мы, потерявшие своих голубей, оплакиваем их. Будь это наши похороны, голуби вряд ли оплакивали бы нас. Именно этот факт, а не нейлоновые чулки господина Дюпона или бомбы господина Буша объективно свидетельствуют о нашем превосходстве над животными”* (Леопольд, 1983). Я хочу раз-

вить эту великолепную мысль. Один вид, добровольно уступающий место для жизни другим, — это также нечто новое под солнцем. Именно это будет свидетельствовать о нашем превосходстве над животными, а не “бомбы господина Буша”, рукотворные моря и пустыни, полеты в космос и т. п. Животные тоже умеют убивать, строить плотины, летать. Их достижения в этом плане более скромны, чем у человека, но “планов громадь” им и не нужно. Бобрам совершенно ни к чему полностью перегораживать Днепр или Волгу, а ласточкам — лететь в космос. Более того, то, чем так гордится человек, — моральные нормы — в определенной степени существуют и в животном мире. Так, у многих видов есть особые поведенческие механизмы, предотвращающие убийство сородичей в конфликтах. Заповедь “не убий” имеет очень глубокие корни. Волк физически не может полоснуть клыками подставленную шею противника (поза подчинения), как бы он ни был разъярен в драке (Лоренц, 2001). Такие инстинктивные запреты могут иногда не срабатывать (как и моральные запреты у человека), но они есть.

А вот добровольное ограничение экспансии собственного вида — нечто принципиально новое. Ни одно животное не способно это сделать. Если мы хотим, чтобы слово “Человек” хоть иногда писалось с большой буквы, нужно быть достойными этой большой буквы. “Видовой эгоизм” и безграничная экспансия — это биологические свойства человека как животного вида. Преодоление этого поможет человечеству духовно возвыситься, это то, к чему оно давно стремится. Разумеется, нельзя всю духовность и гуманизм сводить только к охране природы, но этот момент тоже очень важен. По меркам человеческой морали тот, кто думает только о себе, считается только с собственными интересами, а на других смотрит лишь через призму своей выгоды, является плохим человеком. Тот же подход применим и в глобальном масштабе.

При желании, здесь можно найти и большое поле для религиозных трактовок. Христианство призывает к преодолению “тварной сущности” человека и духовному приближению к Богу. Одним из путей этого как раз и является добровольное ограничение собственных интересов для сохранения других форм жизни.

Протоиерей Русской Православной Церкви За Границей В. Потапов (1992) писал, что *“величайшая истина христианства заключается в том, что человек, для того чтобы самореализоваться, должен отречься от самого себя ради любви к Богу и ближнему”*. Почему под “ближним”, которого следует любить, мы должны подразумевать только человека, а жертвенность и отречение ограничивать лишь сферой быта — соблюдение норм поведения, обрядов, постов и т. п.? Отречение от безраздельного господства над при-

родой, пожертвование частью своих благ и удобств ради сохранения Божьего творения в целостности и красоте — это ли не величайший духовный подвиг, на который способно живое существо?

Все это, правда, легко сформулировать, но очень сложно реализовать. Достаточно послушать или почитать новости за любой день, чтобы окунуться в бесконечный поток насилия. Если два соседних народа не могут договориться о совместной жизни на одной территории, поделить ресурсы и место под солнцем, можно ли надеяться, что человек захочет уступить хоть пядь этого места для совершенно других живых существ? Вот здесь очень важную роль могут сыграть охраняемые природные территории, прежде всего заповедники: послужить той дверью, которая выведет на дорогу, “идущую к Храму”. Ведь заповедники изначально создавались для охраны других живых существ. Давайте просто признаем, что охраняем мы их не только для своей выгоды.

Этика для заповедного дела

Этической основой охраны природы может быть только эгоцентризм. Биоцентризм применим в основном там, где есть тесные контакты человека с другими живыми существами — в медицине, научных исследованиях, хозяйстве, быту и т. д. Попытки же использовать его подходы в дикой природе ведут в тупик. Об этом пишет и Б. Кэликотт (1999): *“Помимо этически проблематичной и практически невозможной задачи присвоения равного морального принятия во внимание всем и каждому живому существу, чистый и крайний биоцентризм имеет малое отношение к природоохранной биологии — которая, опять же, не занимается судьбой экземпляров, но судьбой видов, экосистем и эволюционных процессов”*. Биоцентризм акцентирует свое внимание на жизни и отрицает смерть, однако в природе они неразрывно связаны. Используя, например, известное определение А. Швейцера (1973): добро — это то, *“что служит сохранению и развитию жизни, зло есть то, что уничтожает жизнь и препятствует ей”* — неизбежно приходим к выводу, что в глобальном масштабе смерть является уже благом. Без нее немислима смена поколений и элементарное развитие. Гибель отдельных особей, видов, таксономических групп и экосистем расчищает место для других. Благодаря этому “злу” жизнь на Земле развивалась до того уровня, который мы видим сейчас (Грищенко, 2001б).

Однако для заповедного дела неприменим и чистый эгоцентризм (Грищенко, 2001а). Дело в том, что он не запрещает вмешательство в природу заповедника. Так, согласно приведенному выше “золотому правилу” этики земли, вполне приемлемыми являются регуляционные меропр-

ятия, отлов животных и т. п. При определенных обстоятельствах вмешательство человека в природу может даже повышать стабильность и “красоту” сообщества. Например, вырубка небольшого участка в густом сплошном лесу, после чего образуется травянистая поляна. Повышается разнообразие биотопов, для многих животных появляются дополнительные кормовые ресурсы. Возрастает богатство и разнообразие жизни в сообществе в целом. То же самое касается подкормки диких животных или других биотехнических мероприятий. Однако заповедник тем и отличается от охотхозяйства или лесхоза, что для него более важно естественное функционирование природных комплексов, а не их продуктивность или биомасса.

В силу специфики заповедного дела, для него необходима разработка особой этической системы, основанной на эгоцентризме, но с дополнительными моральными ограничениями из области биоэтики. Суть этих ограничений в том, что в заповедниках человек добровольно уступает часть своего жизненного пространства другим живым существам и объектам неживой природы. В связи с этим, он обязан признавать их внутреннюю ценность и уважать право на существование. Вмешательство в природные комплексы должно быть сведено к минимуму, необходимому для их сохранения.

А.А. Никольский (1996) предложил в качестве новой концепции заповедного дела этику благоговения перед жизнью А. Швейцера. Согласно учению великого гуманиста, *“там, где я наношу вред какой-либо жизни, я должен ясно сознавать, насколько это необходимо. Я не должен делать ничего, кроме неизбежного, — даже самого незначительного”* (Швейцер, 1992). Другими словами, мы признаем, что причинять ущерб жизни неэтично, но вынуждены время от времени это делать в силу необходимости. К этой необходимости и должен быть сведен ущерб другим живым существам. Однако в таком подходе есть слабая сторона. Этика благоговения перед жизнью биоцентрична, а охрана природы не может быть успешной, если мы будем рассматривать проблему только на организменном уровне.

По моему мнению, синтез подходов эгоцентризма и этики благоговения перед жизнью может достаточно эффективно определять этичность тех или иных действий в экосистеме заповедника, соотнося их необходимость и возможность. Например, у нас есть возможность убить какое-либо животное (эгоцентризм это не запрещает, поскольку на сообществе это никак не отразится), но нет необходимости — мы не должны этого делать. С другой стороны, если мы признаем необходимым какое-то действие, но оно принесет непоправимый ущерб экосистеме заповедника, — от этого также следует воздержаться (Грищенко, 2001а).

Научные исследования — не цель, а лишь средство для достижения цели. Поэтому для меня выглядят смешными попытки демонизировать науку, представить ее таким всепожирающим монстром. Чудовищем является сам человек, интересы которого и стоят за всем этим. А. Нобель надеялся, что созданный им динамит будет использоваться только в мирных целях. Увы. Можно было предвидеть последствия и не открывать нитроглицерин? Наверное, да. Но вместо него вполне годятся порох, тол и другие взрывчатые вещества. Проблема не в открытии, а в его применении. Пока не было огнестрельного оружия, люди вполне успешно убивали друг друга иными средствами. Иногда просто невозможно предсказать чем обернется то или иное открытие в будущем. Порох ведь тоже первоначально использовали только для фейерверков. Электричество занимает очень важное место в нашей жизни. Но помимо всего прочего есть еще электрический стул и пытки электрошоком. Однако, можно ли в этом обвинять М. Фарадея и других физиков?

Если же огульно осуждать всех ученых и изобретателей, “натворивших бед”, то начинать список претензий надо с нашего далекого предка, сделавшего из камня первое рубило. Нужно было не “мудрствовать лукаво”, а оставаться обезьяной. Жила она в полной гармонии с окружающей природой.

Проблема не в том, что человек знает что-то “лишнее”, запретное, а в том, как он использует свои знания. То, что вам известен номер кредитной карточки вашего приятеля, еще не означает, что вы будете воровать у него деньги. То, что вы знаете, где лежит неразорвавшаяся авиабомба, еще не значит, что вы выплавите из нее тол и будете глушить рыбу или устраивать теракты. И знания, и наука сами по себе нейтральны.

Я не согласен с утверждениями В.Е. Борейко (2000, 2001), что науку нужно изгнать из заповедников. По моему мнению, нужен более трезвый и взвешенный подход, учитывающий реалии жизни (Грищенко, 2001а). С тем же успехом какой-нибудь христианский фанатик может призывать кастрировать всех мужчин и женщин, чтобы они всецело предавались служению Богу и не отвлекались на “греховные помыслы”. Ну человечество вымрет, да и все. Очень скоро не будет не только грехов, но и самой религии. Давайте же не будем кастрировать и охрану природы. Без науки она станет бесплодным евнухом.

В охране природы совершенно недостаточно благоговения, почитания, преклонения и т. п. Последствия человеческой деятельности стали настолько серьезными и глобальными, что нельзя просто отгородить дикую природу от цивилизации, и все само собой образуется. Такой подход был уместен лет двести назад. Сейчас же во мно-

гих случаях необходима компенсация действия антропогенных факторов. Для этого нужно прежде всего элементарное понимание: что и как делать. Обратите внимание на обложку нашего журнала, там стоит девиз: “*Intelligendo — prohibere, понимая — оберегать*”. Его можно предложить в качестве лозунга для всего заповедного дела. Перечитайте еще раз приведенные выше формулировки “золотого правила” этики земли. Понятно, что оценить основные упоминающиеся в них параметры — целостность и стабильность сообщества, пространственные и временные масштабы — можно только на основании данных науки. Без нее просто невозможно ответить на вопрос, который является основным для любой этической системы: “Что такое хорошо, что такое плохо?” Таким образом, противопоставление экологической этики науке — нонсенс. Приведу еще одну цитату из буклета Международного союза экоэтики: “*Корни экоэтики — не в откровении, вере и философии, а в научном исследовании, знании и совместимости между природой и человечеством*”. Мне кажется, что такой подход имеет намного больше шансов на успех, чем оккультно-мистический.

К чему может привести желание что-то сохранить при отсутствии элементарного понимания сути проблемы, хорошо иллюстрирует небольшой фантастический рассказ. К сожалению, не помню ни автора, ни названия. Сюжет таков. Человек вдруг услышал в комнате тонкий писк и мольбу о помощи: “Спасите, спасите! Меня сейчас убьют!” На стене он увидел барахтающихся паука и осу. Недолго думая, герой рассказа прихлопнул паука и взял в руки осу. Она тотчас же ужалила его. “Как же так, — возмутился человек, — ведь я спас тебя”. Оса не ответила. Она вообще не умела говорить. Оказалось, что о помощи взывал как раз паук, на которого напала оса...

Подобных глупостей с благими целями человечество наделало немало. Классический пример — уничтожение хищников, чтобы обеспечить благоденствие их жертвам. Что интересно, подобные мероприятия нередко проводились под этическими и даже природоохранными лозунгами.

Знаменательно, что даже один из “отцов” экологической этики Олдо Леопольд начинал свою профессиональную деятельность с уничтожения хищников в лесах Аризоны и Нью-Мексико. Впоследствии он вспоминал: “*Я был молод, руки у меня прямо чесались, так я хотел стрелять, я считал, что если меньшее число волков равнозначно большему числу оленей, то отсутствие волков будет означать охотничий рай*” (Нэш, 2001). Понимание того, что все живые существа являются “колесиками и винтиками” единого механизма и нелепо обвинять в “прожорливости” карбюратор, пришло позже. И связано это прежде всего с прогрессом экологической науки.

Если изучение того, как устроена кладка стен

древнего храма, поможет спасти от разрушения или восстановить другой храм, специалистов можно пустить и туда, куда нет хода прихожанам. Позволю себе еще одно сравнение. Гинеколог имеет доступ к самым сокровенным местам на теле женщины, и ее муж вынужден с этим мириться, хотя при других обстоятельствах мог бы запросто оторвать голову посягнувшему на “святое”. Ученый-природоохранник — это также человек, посвященный в самые интимные тайны природы. И наличие таких специалистов вовсе не мешает другим людям любить природу, восхищаться ее красотой, благоговеть перед ней. Точно так же наличие специалистов-сексопатологов и психиатров не мешает мужчинам и женщинам любить друг друга, испытывая возвышенные чувства, и не “обесценивает” сферу интимных отношений. Знание физиологии пищеварения никому не мешает наслаждаться вкусной пищей. Пение птиц не перестало вдохновлять поэтов только потому, что зоологи разобрались с его функциональным предназначением.

Вот что писал по этому поводу К. Лоренц (2001): “*Многие люди — в том числе и те, кто в остальном понимает природу — считают странным и совершенно излишним, когда мы, биологи, по поводу каждого пятна, которое видим на каком-нибудь животном, тотчас задаемся вопросом — какую видосохраняющую функцию могло бы выполнять это пятно и какой естественный отбор мог бы привести к его появлению. Более того, мы знаем из опыта, что очень многие ставят нам это в вину как проявление грубого материализма, слепого по отношению к ценностям и потому достойного всяческого осуждения. Однако оправдан **каждый** вопрос, на который существует разумный ответ, а ценность и красота любого явления природы никоим образом не страдают, если нам удастся понять, **почему** оно происходит именно так, а не иначе. Радуга не стала менее прекрасной оттого, что мы узнали законы преломления света, благодаря которым она возникает [выделено автором — В.Г.]”.*

Знание, наоборот, может усиливать почитание природных объектов, способствовать их охране. Зная, что дуб Железняк в Холодном Яру (Черкасская область) — старейший в Украине и один из старейших в Европе, смотришь на него совсем другими глазами, чем просто на огромное дерево. Рыбак, знающий, что латимерия — чудом уцелевший осколок древней жизни, вполне вероятно будет видеть в ней уже не просто добычу, которую можно съесть.

Не так уж редко для того, чтобы обеспечить целостность и стабильность природного сообщества, необходим его “ремонт” — восстановление утраченных элементов. Например, если в экосистеме отсутствуют крупные хищники и нет шансов на самопроизвольное восстановление их по-

пуляцій, ее нельзя просто отгородить от человека и пустить все на самотек по принципу “авось образуется”. Это чревато печальными последствиями. В учебниках по экологии приводятся достаточно хрестоматийных примеров того, к чему могут привести вспышки численности копытных. Это и плато Кайбаб в США, и Беловежская пуца, и Крымский заповедник.

Американцы не истребили окончательно бизонов, они охраняются в нескольких национальных парках. Ну а дальше-то что? Волк был полностью уничтожен в США еще в начале XX в. (Чесноков, 2001), численность других крупных хищников мизерна. Если регуляцию численности еще может взять на себя человек (хотя о какой заповедности тогда можно говорить?), то восполнить ослабление естественного отбора он не в состоянии. В эволюционном плане популяции бизонов обречены на деградацию. Можно пускать людей любоваться ими, можно упрягать стада подалее, от этого ничего не изменится. Так и происходит в реальности. В Йеллоустоне существующее в условиях полной заповедности поголовье бизонов стало вырождаться, из-за перенаселения истощилась кормовая база. В сходном положении оказалась и популяция лося (Чесноков, 2001). Подобные ситуации, к сожалению, типичны для охраняемых природных территорий. И все это при том, что Йеллоустонский национальный парк имеет более чем приличную территорию — 898 362 га (Борисов и др., 1985), что, например, для украинских заповедников остается лишь недостижимой мечтой.

В еще худшем положении находятся европейские зубры. Здесь ослабление естественного отбора усугубляется еще и близкородственным скрещиванием. Многие ученые считают, что нынешний полудомашний зубр весьма отдаленно напоминает воспетого в летописях могучего лесного зверя.

В связи с описанной проблемой большой практический интерес представляют примеры успешного “ремонта” сообществ. Например, реакклиматизация волка все в том же Йеллоустонском национальном парке в 1995–1996 гг. Через несколько лет после реинтродукции ученые констатировали: повысилась саморегуляция экосистемы, укрепилось видовое разнообразие, улучшился баланс видов. В популяциях лосей и бизонов резко усилился естественный отбор, что способствует их оздоровлению. Более того, улучшилось воспроизводство ставшего малочисленным гризли. Этот эксперимент был научно подготовлен предшествующими многолетними исследованиями местных экосистем (Чесноков, 2001). Ну а был бы Йеллоустон провозглашен какой-нибудь сакральной территорией, куда закрыт доступ даже ученым?

А теперь давайте еще раз вернемся к нормам эгоцентризма. Согласно “золотому правилу” эти-

ки земли, действия американских ученых являются вполне этичными, поскольку они восстанавливают целостность, стабильность да и красоту природного сообщества. А вот невмешательство было бы как раз неэтичным.

Бизоны — не косули, большие их стада могут жить только на охраняемых природных территориях. И если там будет происходить вырождение популяций, вид снова окажется на грани гибели. Но виноваты в этот раз будут уже не охотники, а не в меру радикальные природоохранники. Не все так просто в этой жизни.

Еще один пример. Лесной подвид бизона к концу XIX в. сохранился только на территории, вошедшей затем в национальный парк Вуд-Баффало (Канада). Однако и там он едва не исчез. Сначала причиной была гибридизация с переселенными сюда степными бизонами. Одно время считалось, что чистокровных лесных бизонов уже не осталось. Лишь в 1957 г. удалось найти их обособленную группу. Численность ее неуклонно сокращалась из-за болезней — степные бизоны принесли туберкулез, а затем недалеко от границ парка вспыхнула эпидемия сибирской язвы. После длительной и безуспешной борьбы за выживание стада, специалисты решили вывезти лесных бизонов из парка. Две племенные группы были основаны в других местах (Фишер и др., 1976).

Опять-таки, если бы национальный парк Вуд-Баффало был запретной для ученых территорией, лесного бизона (а также американского журавля) уже давно можно было бы внести в черный список. Самым нелепым в этой истории было бы то, что мы бы даже не знали, что уже оплаканные виды еще существуют и есть реальный шанс их спасти. Давайте не будем превращать охрану природы в философскую абстракцию.

“Сверхзаповедники”, полностью изолированные от человека, можно создавать только на больших территориях и при наличии нормально функционирующей полночленной экосистемы. По крайней мере, этого требует экологическая этика да и элементарная ответственность за судьбу других живых существ. Но вся штука в том, что в нынешних условиях убедиться в “экологическом благополучии” выбранного участка можно только после широкомасштабных научных исследований. Да и после установления “сверхзаповедного” режима желателен хоть минимальный контроль. Ведь от глобального влияния антропогенных факторов уже никуда не денешься. Во многих случаях только сам человек может исправить последствия своей бурной деятельности. Сам собой напрашивается вывод — попытки лишить заповедное дело научной базы ведут в тупик и к реальной охране природы такие философские концепции имеют весьма отдаленное отношение.

Не следует забывать, что исследования того, как функционируют природные экосистемы даже

в сверхсуперзаповедных местах, нужны прежде всего самой природе. Для того чтобы написать диссертацию или получать приличную зарплату, совершенно не обязательно перетянуться в непролазные джунгли, кормить комаров на болотах или умирать от жажды в пустыне. То есть ученые без этого смогут обойтись. А вот удастся ли сохранить многие виды и экосистемы — вопрос риторический.

Изучение дикой и свободной природы — не только интересное, но и чертовски трудное занятие, нередко связанное с немалыми лишениями, а то и риском для жизни. Л.Г. Капланов в Сихотэ-Алинском заповеднике неделями тропил тигров по глубокому снегу, ночевал в любой мороз и пургу в тайге, часто питался остатками добычи своих “подопечных”. В его знаменитой книге “Тигр, изюбрь, лось” (Капланов, 1948) впечатляют не только результаты, но и методы исследований. Вот строки из одного из писем А.Н. Формозову: “Выйдя 27 декабря 1939 года из Тернея, я до настоящего времени был в походах на лыжах и больше 40 ночей провел под открытым небом, шесть дней пришлось голодать (одни, двое и трое суток подряд), а в январе были морозы до $-48,3^{\circ}$ ” (Формозов, 1948). Безумству подвижников науки поем мы песню...

Что, Л.Г. Капланов не мог бы сидеть дома в тепле и зарабатывать себе на жизнь менее обременительным способом? Вполне. Но без него, боюсь, тигров на Дальнем Востоке уже бы не осталось. Именно благодаря своим беспримерным исследованиям (на территории заповедника, кстати) ученый смог обосновать, что амурский тигр находится на грани истребления и поставить вопрос о запрете охоты на него.

Другое дело, что заповедник — это особое место, территория или акватория со специфическим режимом. Здесь человек добровольно ограничивает свою видовую экспансию. Поэтому нужно решить: для чего служит наука в заповедниках, чем она должна и чем не должна заниматься, какие методы научных исследований могут использоваться и какие нет. По моему мнению, в выборе тематики приоритет должен отдаваться интересам самой природы, ее охраны. От проведения исследований в интересах человека (например, изучение экологии промысловых видов) вряд ли удастся отказаться в близком будущем, однако мы должны, по крайней мере, поставить такую цель.

Особого рассмотрения заслуживает использование различных методик. Они должны быть максимально щадящими, чтобы избегать ненужной гибели живых существ или причинения им другого ущерба. Это важно для научных исследований вообще, но для заповедников в особенности. И со стороны природоохранных организаций и широкой общественности нужен “социальный заказ” на разработку и внедрение щадящих методов исследования. Например, научный сотруд-

ник заповедника “Галичья гора” М.Н. Цуриков уже 20 лет разрабатывает и успешно применяет специальные ловушки для беспозвоночных, позволяющие в десятки раз увеличить избирательность отлова, уменьшая тем самым напрасную гибель других организмов (Никольский, 2000). Сотрудник Сихотэ-Алинского заповедника Е.Н. Смирнов (2001) так описывает работы по изучению амурского тигра, в ходе которых было отловлено и помечено радиоошейниками 25 особей: “*Все́му новому мы постоянно учились и за основной считали принцип — “не навреди зверю!” Если есть хоть какая-то опасность (водоем, овраг, сухое дерево, густые заросли и т. д.) петлю не ставь; не беспокой его, не подходи близко при радиослежении. Стреляй шприцем только наверняка и с небольшого расстояния; наблюдая с вертолета, не гони тигра более 30 минут, работай только при большом снеге и не в темнохвойной тайге или густых зарослях кустарника. Лучшее не делать ничего, чем загубить зверя* [выделено автором — В.Г.]”.

Как видим, наука в заповедниках вполне может учитывать этические нормы. Дело лишь за профессионализмом и доброй волей. В этом я совершенно согласен с А.А. Никольским (2000).

Литература

- Борейко В.Е. (2000): Критика основных подходов в современном заповедном деле. - Запов. справа в Україні. 6 (1-2): 1-2.
- Борейко В.Е. (2001): Три идеологии современного заповедного дела. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 33-42.
- Борейко В., Поминова Е. (2000): Зарубежные философы дикой природы. Киев. 1-124.
- Борисов В.А., Белоусова А.С., Винокуров А.А. (1985): Охраняемые природные территории мира. М.: Агропромиздат. 1-310.
- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман. экол. журн. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001а): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): “Не то, что мните вы, природа”. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвып.): 113-126.
- Капланов Л.Г. (1948): Тигр, изюбрь, лось. М.: МОИП. 1-128.
- Келлерт С. (1996): Об экологической этике - Про эко (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 20-21.
- Кэлликотт Б. (1999): Природоохранные ценности и этика. - Гуман. экол. журн. 1 (2): 40-67.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Лоренц К. (2001): Агрессия (так называемое “зло”). СПб: Амфора. 1-349.
- Наэс А., Сессинс Дж. (2000): Платформа глубинной экологии. - Гуман. экол. журн. 2 (1): 56.
- Никольский А.А. (1996): Этика благоговения перед жизнью как концепция заповедного дела. - Про эко. (Бюл. Охрана дикой природы № 11). 15-17.
- Никольский А.А. (2000): Профессионализм и добрая воля — альтернатива убийству. - Гуман. экол. журн. 2 (1): 16-19.
- Нэш Р. (2001): Права природы. История экологической этики. Киев. 1-173.
- Поликарпов Г.Г. (2001): Международный союз экоэтики (МСЭЭ). - Гуман. экол. журн. 3 (2): 133-135.
- Потапов В. (1992): Церковь и экология. - Православная Русь. 14: 1-3.

Смирнов Е.Н. (2001): Амурского тигра нельзя не сохранить! - Природа. 1: 41-50; 2: 47-56.
Уайт Л. (1990): Исторические корни нашего экологического кризиса. - Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс. 188-202.
Фишер Д., Саймон Н., Винсент Д. (1976): Красная книга. Дикая природа в опасности. М.: Прогресс. 1-480.

Формозов А.Н. (1948): Памяти Л.Г. Капланова. - Тигр, изюбрь, лось. М.: МОИП. 3-16.
Чесноков Н.И. (2001): Волк в Йеллоустоне. - Природа. 5: 37-39.
Швейцер А. (1973): Культура и этика. М.: Прогресс. 1-342.
Швейцер А. (1992): Благоговение перед жизнью. М.: Прогресс. 1-572.

ОБ ЭТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЯХ НА НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ДРУГУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ЗАПОВЕДНИКАХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ПАРКАХ

В.Е. Борейко

Киевский эколого-культурный центр

Полагаю, никто не будет возражать против того, что если в любом проекте, в любом направлении человеческой деятельности не существуют моральные ограничения, то такой проект опасен. Что же касается заповедного дела, нравственного и духовного по своей сути, то здесь, в сравнении, скажем, с металлургической промышленностью, гораздо большее внимание должно уделяться этике. По большому счету, заповедное дело, как и охрана природы в целом, во многом сродни защите здоровья человека, ибо здесь и там в конечном итоге целью является сохранение жизни.

В медицине, со времен Гиппократов, разработанная система этических принципов, выросшая нынче в целую науку под названием биоэтика. Биоэтика вводит ряд этических ограничений на медицинскую науку и практику касательно их соответствия моральным взглядам и ценностям. Чего не скажешь об отечественном заповедном деле, где на этику редко обращалось внимание. Вместе с тем необходимо с удовлетворением отметить, что в последнее время в литературе стали высказываться предложения, что любая человеческая деятельность в заповедниках и национальных парках (научные исследования, экопросвещение, патрулирование территории и пр.) должна иметь не только экологические, но и этические ограничения (Никольский, 1996; Борейко, 1999, 2001; Штильмарк, 2001).

Разберем этот вопрос более подробно с различных точек зрения.

Природоохранные и социальные аспекты

Нельзя не согласиться с правотой известного деятеля заповедного дела д. б. н. Ф.Р. Штильмарка, который неоднократно заявлял, что в современных заповедниках дикой заповедной природе порой приходится горше, нежели на незаповеданных участках (Штильмарк, 2001).

Причем глумление над дикой заповедной природой происходит исключительно в рамках закона, при полном одобрении дирекции заповедников и их министерского начальства. Офици-

ально — ради научных исследований, улучшения “менеджмента” территории или рекреационно-просветительской деятельности. Приведу некоторые примеры.

Профессор А.А. Никольский пишет: “Директора ряда заповедников буквально осаждают Министерство просьбами дать разрешение на отстрел животных. Мотивы самые разные: регулирование численности, отстрел хищников, мониторинг за состоянием популяции тех или иных видов. Удручает число животных, планируемое к отстрелу... Воронежский заповедник — 130 кабанов, 100 косуль; Мордовский заповедник — 10 волков; Северо-Осетинский заповедник — 5 туров, 5 кабанов; Окский заповедник — 15 лосей, 3 кабана, 5 волков” (Никольский, 1996). Всего же, по данным того же автора, ежегодно в российских заповедниках на алтарь науки приносится в жертву до 10 000 крупных позвоночных животных (Никольский, 2000). Чем же тогда заповедники отличаются от противочумных станций?

В заповеднике “Курильский” ради научного эксперимента была акклиматизирована европейская норка, а в заповеднике “Остров Врангеля” — северный олень. Никакой этической экспертизы не проводилось, в частности, был полностью проигнорирован важный этический принцип “не навреди”. В результате из-за непродуманного вселения новых видов, стали страдать заповедные экосистемы (Малешин, 2001).

Как мы видим, помимо природоохранного, подобная научная и иная деятельность наносит заповедникам и социальный ущерб. Как, например, объяснить местным жителям, почему им запрещено отстреливать в заповеднике кабанов, а научным работникам — можно? Более того, кабану все равно, от кого погибать — от браконьера или ученого. В любом случае нарушается его естественное (моральное) право на жизнь.

Религиозные аспекты

Согласно многим религиям — даосизму, буддизму, джайнизму, индуизму, язычеству, а так-